

Журналист — как образ жизни

Мне, Вячеславу Петренко, уже 63 года, и почти сорок из них, сразу после прихода из Армии в 1963 году, я занимаюсь газетными делами. Начинал корректором в кокандской городской газете «Знамя труда» в Узбекистане, проработал до заместителя редактора. В то же время писал в областные и республиканские газеты, выступал на радио. Открывая для себя мир встреч с хлопкоробами и химиками, с животноводами Памира и гляциологами, я верил, что об этом надо знать как можно большему числу людей. И эту свою убежденность я пронёс до седых волос, считая, что и с их появлением преступно переставать удивляться.

Русский мир в Узбекистане был миром третьего поколения россиян, уже прочно влившись в социальную среду жителей Узбекистана. А так как под палящим солнцем жили и трудились представители более сорока наций и народностей, то русский язык его и множества других газет был надёжным документом интернационального общения. Авторами статей того времени были русские и армяне, корейцы и татары, башкиры и даже дунгане, родственные китайцам люди. Моими наставниками по газетному ремеслу были поляк Вениамин Вржесниовский и еврей Израиль Лурье, осетин Борисби Дзусов и армянин Вазген Джанакинян, редактором был русский поэт Николай Лукашов.

А потом пришла татарка Руфина Афлитунова и грек Панайотис Сокуриди. Такой вот был «плавильный тигель» газетно-литературного творчества, которому даже завидовали моноязычные журналисты-узбеки...

Потом, ближе к 40 годам, меня пригласили ответственным секретарём в областную газету «Ферганская правда». Это было рядом со стенами Ферганского обкома партии, где как-то случайно узнали, что секретарь большой пятиразовой газеты говорит и даже может написать на узбекском. И взяли всё ещё удивляющегося газетчика на скучноватую протоколно-партийную работу в качестве заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации. Но даже будучи партийным функционером, я не переставал быть газетчиком. Раз в неделю, а то и чаще в «Ферганке» появлялись мои статьи. Документов под рукой теперь было значительно больше, и доказательность газетных строк могла быть крепче.

Но... именно в это время, с накоплением опыта, стал он чувствовать двуликость как этого партийного мира, так и национальной политики. Многие европейцы в Средней Азии чурались и даже пренебрегали языком и обычаями коренных народов, должностные лица с партбилетами в стенах дома были обычными восточными деспотами.

К своим сорока я знал, как пахнет нефть Зеравшана и багарный хлеб Кашка-Дарьи, сколько километров в день может пройти верблюд и отара овец, как сытен кумыс Алайской долины и как поймать сырдарьинского сома, как спастись в пустыне от укусов змей и ядовитых пауков, что такое хашар... Вся эта кажущаяся экзотика была тесно связана в моём газетном творчестве с судьбами людей, к тому времени ещё веривших в незыблемость интернационализма.

Увы... После Узбекистана и Высшей комсомольской школы я заканчивал своё второе партийное образование в Одесской ВПШ, после окончания которой довелось один год проработать в межобластном издательстве «Маяк». От хлопковых полей Узбекистана пришлось перенестись в мир степного Причерноморья с его проблемами угнетаемой природы рек и озёр, нехватки водных ресурсов и обеднения почв, эрозии и нестабильных урожаев, проблем уничтожения китов мирового океана и судьбы одесских лиманов. Но семья к тому времени была уже в Молдавии, и из благословенной Одессы я попросился на работу туда, в северный город Бельцы, что в исторической Бессарабии, ближе к украинским Черновцам.

В Молдавии, где меня назначили редактором городской газеты в Бельцах, стал накапливаться третий пласт необходимых газетчику знаний. Досье по трём республикам до сих пор хранится в моём рабочем архиве и время от времени я, уже трижды дед, его пополняю уже новыми данными российской тематики, так как в 1991 году всё советское и многое русское в Молдавии пытались заменить национальным. Потом спохватились, но полмиллиона русских из республики уже уехали. Именно в те годы газетчиков советской закалки ультра-националисты, с лёгкой руки Чингиза Айтматова, стали обзывать «манкуртами» — некими звероподобными существами на двух ногах без роду и племени, эдаким биологическим «перекати-поле». Националисты закидывали русских и других не молдаван гнилыми помидорами и яблоками, издевались над ними как могли в своих газетах. А я, как и мой старший товарищ, поэт и писатель Аркадий Малашенко, были просто русскими людьми, которым трудно оказалось обойтись без своей исторической Родины. С октября 1992 года мы вместе начали трудиться в газете «Коммунар», изменившей не только своё название. Три года было отдано газете «Славич», где написано немало страниц о людях Компании.